

Ночь неслышно ступила на землю, мягко накрыла саваном тишины и спокойствия маленькие, похожие друг на друга, как две капли воды, домики с одинаково ухоженными газонами под их окнами. Стихли голоса, умолкли редкие птицы и затихли шумы моторов проезжающих на близлежащем шоссе машин. И лишь тусклые огни на верхушках фонарных столбов залили опустевшую улицу болезненным желто-оранжевым светом, разгоняя сгустившийся мрак. Тисовая улица уснула.

В самом обычном, ничем не выделяющемся из общей массы, доме, пронумерованном четвертым номером, однако, до сих пор горел свет, несмотря на поздний час. Свет этот едва-едва пробивался сквозь железную дверь и просветы между досками, складывавшими ступени лестницы на второй этаж, и тонкими полосками разрезал темноту прихожей. Загляни кто-нибудь за эту дверь, он бы сильно удивился, обнаружив в старом пыльном чулане кровать и тощего мальчика, лежавшего на ней.

Этот мальчик, заложив руки за голову, смотрел на пыльную лампочку, освещавшую чулан. Изумрудные глаза его лениво следили за беснующейся у источника губительного для неё тепла и света мошкой из-под линз разбитых и перемотанных скотчем очков-велосипедов. Его лицо дернулось, когда рот раскрылся в широком зевке. Глаза невольно закрылись лишь затем, чтобы с трудом и затаённым испугом открыться вновь.

Мальчика звали Гарри Поттер, ему было десять, и он хранил при себе тайну, а именно: в последние три дня он очень — до дрожи в коленках — боялся засыпать.

Впрочем, физиология оказалась гораздо сильнее страхов. И очень скоро Гарри Поттер всё же провалился в беспокойный сон, так и не выключив тусклую пыльную лампочку.

В этом сне мальчик вот уже в четвертый раз очутился на берегу моря вблизи причудливо извивающегося вихря, каким-то чудом не тревожившего тёмную воду. Он, переливаясь немыслимыми цветами, то подбирался вплотную к нему, и тогда Гарри видел в глубине красочных воздушных волн горящие огоньки глаз и чувствовал неестественный жар, то будто бы испуганно отступал, тоскливо воя.

Гарри хотел сбежать прочь, зажмуриться, заткнуть уши руками, лишь бы не видеть буйства странной стихии, но он не мог.словно загипнотизированный, он безвольно смотрел на цветастый смерч, не смея ни шелохнуться, ни даже моргнуть.

Он был ничем, и ничего у него не было, кроме голоса. Слабого, испуганного, писклявогоголоска, меркнувшего перед мягкими, полными силы звуками, доносившимися откуда-то извне. И хоть странный красивый голос не кричал и не выл, от его звуков Гарри дрожал, как осиновый лист на ветру, чувствуя холодный липкий страх.

Голос звал его по имени.

— Гарри... Гарри... иди ко мне, Гарри.

И хоть Гарри не шевелился, застыв от неведомого страха, голос, казалось, не знал о концепции нетерпеливости. Он продолжал звать его, ровно и размеренно, словно в первый раз. Мальчику казалось, что некто протягивает ему руку...

Неожиданно громкий и звучный стук о металл едва не заставил его подскочить. Рядом не было ничего, что хотя бы отдалённо напоминало бы железо.

Стук повторился. Нетерпеливый, торопливый и злобный.

— А ну просыпайся, мальчишка! — рявкнул недовольный женский голос.

Гарри резко подскочил на кровати, выбираясь из объятий сна, как из глубокого омута. Дыхание вырывалось из груди рваными толчками, а в ушах звенело, словно он только что пробежал марафон. Никогда еще мальчик не был так рад услышать голос своей тётки.

— Быстро вставай!

Серые глаза Петунии Дурсль показались из-за открывшейся заслонки на небольшом окошке двери. Она брезгливо оглядела пыльный чулан, прищурилась, глядя на лампочку, и остановила взгляд на племяннике. И так холодные глаза, казалось, и вовсе заledenели.

— Иди готовить завтрак. И прекрати сжигать электричество с утра пораньше, — процедила женщина и резким движением закрыла заслонку.

Шаги её тут же затихли где-то в стороне кухни. И только потом Гарри позволил себе облегчённо выдохнуть. Если бы тётка узнала о том, что лампочка горела всю ночь, ему бы точно было не избежать наказания. Он поправил очки, так и не снятые на ночь, встал с кровати, едва не стукнувшись о ступеньку головой, и щёлкнул выключателем. Чулан погрузился в положенный ему мрак.

Кухня встретила его привычно надраенными до чуть ли не зеркального блеска полами, кухонными приборами, разложенными на тумбочке, и закипающей кастрюлей воды. Мальчик сейчас, пожалуй, был даже рад рутинной скучной работе. Все его мысли занимал странный — куда более странный, чем все приключавшиеся с ним обычно странности, — сон, и ему очень хотелось отвлечься от этого и забыться в работе.

Он покосился на Петунию, застывшую в кресле с утренней газетой и чашкой кофе в руках, и приступил к приготовлению овсянки, тем более, вода как раз закипела. Высыпав крупу в воду, Гарри вновь бросил взгляд на тётушку и принялся помешивать.

Гарри косился на неё не случайно. Думая о странностях, происходящих с ним, мальчик сразу же вспоминал, как его за них наказывали дядя с тёткой. И хоть Гарри клялся и божился, что сам не понимает, как умудрился оказаться на крыше школы или одним взглядом поджечь ковёр в гостиной, ему всё равно приходилось терпеть голод и боль в ягодицах. И потому о странных снах он предпочитал молчать, тем более что из-за них Гарри не влипал в неприятности...

— Всё готово, — буркнул мальчик, накладывая порции остальным членам семьи.

А через полчаса он уже топал в школу, стараясь отрешиться от мыслей о странных снах. Так случилось три раза до сего дня, так случилось сегодня, и Гарри уже подсознательно понимал, что то же случится и завтра. И хуже того, он подозревал, что рано или поздно либо сойдёт от этих кошмаров и недосыпа с ума и станет похож на чудаковатую старушку миссис Фигг, жившую по соседству, чего ему очень не хотелось, либо же уступит и откликнется. И последний вариант пугал мальчика даже больше сумасшествия.

В конце концов, миссис Фигг ведь не забрали в психушку, которой Дадли частенько пугал Гарри, подумал он. Авось, и его не заберут.

Душевнобольным он так и не стал, хотя проклятый сон упорно повторялся ночь за ночью не меньше месяца. И за это время то, что пугало его неизвестностью и заставляло изо всех сил оттягивать сон, в какой-то момент превратилось в обыденность. Обыденностью стал и смерч, всё также бесновавшийся возле него, и звучный красивый голос, зазывавший к себе. И Гарри уже, было, смирился с тем, что до конца своих дней будет видеть во сне одно и то же, как «ненормальное» начало вырываться из него с новой силой.

Если раньше он всего лишь изредка что-то поджигал взглядом или разбрасывал по всей комнате вещи, то сейчас он чуть ли не каждый день умудрялся заработать новое наказание, становившееся с каждым разом всё более жестким. И теперь Гарри уже не мог игнорировать свой сон.

Что бы ни пыталось достучаться до него, оно вынудило дать ответ.

Гарри Поттер вздохнул, глядя на лампочку, в последнее время горевшую всю ночь, и щёлкнул выключателем. Удивляясь, насколько непривычной успела стать темнота, он лёг и ещё несколько мучительно долгих минут пролежал на кровати, впервые за долгое время пытаясь заснуть, а не оттянуть момент забытья. И наконец, уснул.

Гарри сразу почувствовал, что в этот раз что-то изменилось. Нечто уже знало, какое решение принял мальчик, и теперь его нетерпение, разлитое вокруг, можно было ощутить кожей, буквально взять и разрезать ножом, как огромный праздничный торт.

— Эмм... привет? — робко начал он, стараясь не выдать голосом волнения и страха. Неудачно.
— Есть тут кто?

Сначала он услышал вдалеке вой ветра. Мелькавший раньше совсем рядом, ныне вихрь бессильно бился в стороне, силясь приблизиться. Его злоба отголосками далёкого эха доносилась до него.

— Здравствуй, Гарри, — раздался мелодичный голос откуда-то сверху, как и множество раз до этого. — Наконец, созрел для разговора?

В голосе сквозила ирония. Мальчик смущённо кивнул.

— Ну что же, раз созрел, так давай поговорим, — нечто хохотнуло и произнесло в тысячный раз: — Иди ко мне, Гарри.

Перед его глазами вновь встала картина — некто протягивает ему руку. И на сей раз Гарри, повинуясь инстинктам, представил себе так ярко, как только мог, что тянется в ответ. А в следующий миг он очутился где-то в совершенно другом месте. Месте, что было его сном и одновременно чем-то гораздо большим.

— У тебя явный талант, — раздалось за спиной.

Мальчик дёрнулся. Мгновенно отвлекаясь от стены багряного пламени, кольцом окружавшей странное место, он обернулся на голос.

Его собеседник был... странным. Перед Гарри стоял мужчина лет двадцати, одетый вроде и цивилизованно, но в то же время неправильно. Под распахнутым длинным балахоном насыщенного багрового цвета скрывались светлые брюки и чёрная рубашка с золотыми пуговицами старомодного покроя, что резко резонировало с верхней одеждой. Балахон казался чуждым, ненужным. Он невольно притягивал к себе взгляд. Дядя Вернон бы, не задумываясь, назвал

человека, решившего так одеться, фриком.

Некто качнул головой и улыбнулся тонкими губами, словно читая его мысли. Кажущиеся чёрными глаза на бледном вытянутом лице сверкнули ярким огнём, и в следующее мгновение балахон пропал, будто его и не было никогда.

— Кто ты? — спросил Гарри, заворожённо глядя в глаза незнакомца. В них изредка мелькали искры чистого пламени, и в их свете проявлялась насыщенная тёмная зелень.

— Называй меня Кзин, — некто снова тонко улыбнулся.

Повисла пауза. Незвестный молча разглядывал своего визави, не спеша продолжать. Гарри даже удивился подобному — вот уже пару месяцев этот Кзин звал его, а теперь молчит.

— Почему? — когда тишина стала давить, мальчик не выдержал.

В этот простой вопрос он вложил очень многое: любопытство, страх, интерес и даже обиду. Почему именно он, Гарри, видит эти сны? Почему вокруг него вечно происходит что-то странное? Почему его просто не оставят в покое?

Собеседник кивнул, скорее самому себе, чем мальчику, и заговорил:

— По праву рождения. Ведь это кроется в твоей душе. Сила бурлит в самой твоей сути.

Кзин невыразимо изящно шагнул в пустоте, сокращая дистанцию, и навис над мальчиком. Его рука мягко опустилась на плечо Гарри.

— И только тебе решать, что с ней делать, мальчик.

Гарри невольно отшатнулся и запрокинул голову. Черты лица странного (не)человека стали орлиными. Словно хищник приценивался к добыче.

— Допустим, — он сглотнул. — А кто же тогда ты?

— Я? — Кзин хохотнул. — Я всего лишь скромный обитатель переменчивого плана, хранящий в себе частицу его пламени. Иными словами, я демон.

Он выждал некоторое время и довольно рассмеялся. Гарри не отступил. И даже не побледнел от страха.

— А ты не из робкого десятка, парень, — демон сам сделал шаг назад и уселся в пустоту, скрестив ноги. — Полагаю, ты ждёшь ответов на не заданные пока ещё вопросы.

Мальчик посмотрел ему в глаза и кивнул. Не страх, но здоровое опасение и, что важнее, любопытство плескались в его глазах.

— Что значит «демон»? — начал Гарри. — Ты такой же, как и я? Я тоже демон?

Кзин усмехнулся. Широкая улыбка прочертила его лицо, а в глазах весело заплескало пламя.

— Забавно, малыш. Впервые вижу того, кто не имеет ни малейшего понятия о демонах.

Гарри насупился, промолчал, лишь хмуро уставился на собеседника.

— Так сходу и не объяснишь, кто такие демоны, — мужчина запрокинул голову, задумчиво глядя в пустоту. — Мы все разные: жестокие и добросердечные, честные и лживые, алчные и щедрые, мудрые и неразумные. Мы всё это и многое-многое другое. Мы дети Хаоса, и сама его изменчивая суть течет в каждом из нас. Мы живое воплощение негаснущего пламени и нескончаемые перемены...

Гарри озадаченно моргнул, и Кзин вновь усмехнулся, прервавшись на полуслове.

— Думаю, ты мало что понял, но это неудивительно. Давай пока оставим это. Просто знай, что я не человек.

Мальчик кивнул. Гарри действительно почти ничего не понял, но ему определённо понравилось слушать этого Кзина. Демон он или человек, этот парень определённо был куда более приятным собеседником, чем тот же дядя Вернон или тетя Петунья. Он хотя бы не смотрел с явственным раздражением и пренебрежением, да и в голосе не было ни капли злости.

— Почему ты звал меня? — спросил Гарри. — Почему мне всё это снится?

— Потому что такие, как ты, всегда интересовали нашу братию. Гораздо больше, чем обычные люди. А уж теперь-то...

— Какие это? — мальчик прищурился, зародившаяся, было, симпатия к новому знакомому вмиг испарилась. — Неужели даже для демона я всего лишь «ненормальный»?

Кзин на секунду застыл в недоумении, а потом захохотал, переворачиваясь с ног на голову висая в воздухе. Мальчик закусил губу, жгучая обида разливалась внутри. Только он решил, что нашёлся кто-то, кто не считает его чокнутым и не будет шарахаться, как эта надежда рухнула.

— Нет. Конечно, нет. Однако в некотором роде твои силы действительно не «норма», — мужчина язвительно выделил последнее слово. — Хотя ты и человек, в тебе велико родство с Хаосом. В тебе течёт та же сила, что и во мне, хоть и многократно ослабленная. И это интересует меня.

Гарри нахмурился.

— То есть я какой-то... полудемон?

— Нет, — Кзин покачал головой. — Ты определённо и совершенно точно человек. Просто твой источник питает энергия моего плана. Ты маг Хаоса, Гарри, что сулит тебе как некоторые преимущества, так и определённые проблемы.

Мальчик неверяще помотал головой. Потом глубоко вдохнул и выдохнул. Снова вдохнул. И наконец, устало плюхнулся на спину, мгновенно подхваченный непонятно откуда появившимся ветром.

— Магия, значит... — протянул он грустно, вглядываясь в бездонную темноту наверху. — Из-за неё меня ненавидят дядя и тётя? Из-за того, что я маг? Да ещё и как волшебник я какой-то ненормальный?

Гарри горько усмехнулся. Демон промолчал.

— Знаешь, раньше я часто представлял, как ко мне придёт мама или папа. Скажет, что каким-

то чудесным образом они пережили ту аварию, и заберёт меня с собой, подальше от тёмного пыльного чулана, злобных Дурслей и мерзкой Тисовой улицы. А потом, окончательно осознав их смерть, я стал мечтать, что вокруг перестанет твориться чёрт знает что. Хотел, чтобы дядя и тётя перестали наказывать за всё это и презрительно называть ненормальным, чтобы они поняли, как мне стыдно причинять им неудобства. Хотел жить как Дадли. Дружить с ним и играть в футбол, а не готовить завтрак на всю семью и драить весь дом.

Горькие слёзы хлынули потоком.

— Но чуда не произошло, — Гарри шмыгнул носом и, подумав, добавил. — Нет, чудеса происходили регулярно, вот только совсем не те. От них все только страдали... Скажи, Кзин, за что мне это?

— Жизнь несправедлива, малыш, — демон навис над мальчиком, заслонив обзор. — Это не светлая сказка, сплошь наполненная радугой и цветочками. Поверь, твоим родственникам плевать на разрушения, которые ты учинял. Они никогда тебя не примут, ведь ненавидят саму твою суть, боятся той силы, что скрыта в тебе. И они завидуют, потому что знают — ты можешь такое, о чем они и мечтать не смеют.

Он обошёл лежащего в воздухе Гарри по кругу и остановился справа.

— Тебе не стоит волноваться из-за них. Простой люд никогда не понимал волшебников, а магов Хаоса и вовсе боялся пуще огня. И было за что. Твоя магия — суть Хаос. Она своевольна и горделива, она крайне неохотно поддается контролю, а сырые выбросы твоей силы часты и разрушительны. И они будут учащаться.

Кзин протянул ему руку.

— Так что встань и возьми себя в руки. Обуздай свою силу, пока не поздно, иначе она разрушит тебя изнутри и сведёт с ума, как случилось со многими до тебя.

Гарри сфокусировал расплывающийся взгляд на бледной ладони. Потом посмотрел в искрящиеся глаза. Поднял руку и медленно вытер слёзы.

— Ты так и не сказал, чего хочешь.

Демон одобрительно кивнул.

— Я предлагаю сделку. Я буду учить тебя тому, что должен знать подобный тебе маг, а взамен ты убьёшь для меня одного очень... скользкого ублюдка. И отдашь мне его душу.

На последних словах благожелательное лицо мужчины исказил злобный, жадный, предвкушающий оскал. Гарри вздрогнул. Ему показалось, что в одно мгновение на месте Кзина возник кто-то совсем другой — настолько изменилось его лицо. Насколько иным стал выглядеть демон.

Гарри поднялся на ноги и с опаской посмотрел на собеседника.

— Убить? — прошептал мальчик испуганно.

— Верно, — демон не опустил руки. Его ладонь по-прежнему ожидала. — Убить и передать мне душу.

— Н-но... почему?! — недоуменно воскликнул он, невольно отступая от оказавшегося вовсе не таким добрым и мирным демона.

— Потому что он меня предал, — в огненных глазах Кзина полыхнула ярость, а злая улыбка превратилась в недовольную гримасу. — Ну, что скажешь, Гарри? Согласен ли ты покарать его в обмен на мою помощь?

Мальчик поёжился под ожидающим взглядом. В голове тут же забегали мысли.

Часть Гарри была в ужасе от предложения, в ужасе от того, что в будущем придётся лишиться человека жизни, возможно, оставить кого-то сиротой. Он пугающе ярко представил себе, как маленький несчастный мальчик будет так же, как Гарри, терпеть побои и унижения ненавидящих его родственников, а то и вовсе окажется в приюте, всеми брошенный и никому не нужный. И всё по его вине...

Другая, более тёмная, злая и обиженная, часть, о существовании которой Гарри даже не подозревал, вдруг цинично заметила, что в итоге всё равно кто-то умрёт — или неизвестный, которого хочет убить Кзин, или же сам Гарри, если его не научат контролировать свою силу. И почему после всех страданий и унижений у Дурслей он должен пожертвовать собой ради кого-то, кого он даже не знает? Кого-то, кого демон называл предателем?

Гарри не знал, как долго длилась эта внутренняя борьба, но, в конце концов, он принял решение. Их руки сомкнулись, и в тот же миг Гарри Поттер проснулся.

<http://tl.rulate.ru/book/90154/2893482>